

ДОКЛАДЫ / RESEARCH REPORTS

МЕТА-ГОРОД: ОБРАЗ МЕГАПОЛИСА В БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТМОДЕРНА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ПИТЕРА АКРОЙДА)

А. В. Шубина

Санкт-Петербургский филиал Российской таможенной академии, Россия
alex.v.shubina@gmail.com

В предложенном докладе исследуется явление нетипичных биографических произведений, посвящённых описанию не личностей, а культурных объектов, на примере творчества Питера Акройда, современного англоязычного писателя, прославившегося на рубеже XX–XXI веков как автор биографий знаменитых британцев и исторических романов в стилистике meta-fiction. Статья предлагает взгляд на жанр биографии города как жанр личностного осмысления, «переживания» национальной истории и культуры автором и читателем в качестве события собственной жизни, что позволяет историческому факту получить биографический смысл.

Ключевые слова: образ города, британская литература, городской текст, национальная идентичность, память, литература постмодернизма, культурный код.

META-CITY: THE IMAGE OF A CAPITAL CITY IN BRITISH POSTMODERN LITERATURE (ON THE WORKS OF PETER ACKROYD)

Aleksandra Shubina

St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy, Russia
alex.v.shubina@gmail.com

The paper studies the phenomenon of a non-personal biography, a biography of a cultural object, based on the works of Peter Ackroyd, a modern British writer who became well-known at the edge of 20–21 centuries with his biographical books about famous Britishers as well as meta-fictional historical novels. The work presents a vision of the biography of the city as a genre that provides for the author and the reader a way for personification of comprehension and experiencing of a national history and culture as an event of private life, thus transforming a historical fact into a piece of personal biography.

Keywords: image of the city, British literature, city narrative, national identity, memory, postmodern literature, cultural code.

DOI 10.23951/2312-7899-2019-2-138-151

Одно из направлений, в котором развивается творчество Питера Акройда, корифея британского литературного постмодерна, в 2000-е годы, – создание нетипичных биографических произведений, посвящённых описанию не личностей, а культурных объектов. Начальная книга серии об английской столице (London: The Biography, 2000) была с восторгом встречена критикой и удостоилась ежегодной премии Саут Бэнк Шоу в области литературы за 2001 год. В определённом смысле развитием той же темы, лишь на более обширном материале, является работа «Альбион. Происхождение английского воображения» (Albion: The Origins of English Imagination, 2002), исследующая историю английской культуры от истоков до современности. В отличие от персональных биографий, в своих «обобщающих» исторических сочинениях Акرويد исследует не индивидуальную судьбу, чья событийная канва образует сюжет повествования, но жизнь культуры и питающих её идей, связанных с «английским воображением», ментальностью («английскостью») и «лондонским духом».

Для освещения столь крупных культурных объектов как нельзя более своевременным видится обращение к жанру эссе, который, по наблюдению Михаила Эпштейна, в культуре Нового времени заступает на место мифа, пытаясь по-новому воссоздать целостность мыслимой картины мира, осуществить «конденсацию культуры» вокруг оси индивидуальности [Эпштейн 1988, 362, 375]. Эссе представляет собой уникальное текстовое образование, с одной стороны, имеющее относительно строгие жанровые границы «аналитического или интерпретационного литературного произведения, в котором обычно даётся неисчерпывающая или субъективная характеристика описываемого предмета» [Webster 1969, 510], а с другой стороны, представляющее собой наджанровое явление, объединяющее возможности художественного языка с «установкой на подлинность и прямую соотнесённость с личным опытом пишущего» [Степанова 2007, 270]. Жанр эссе – соединяющий анализ и синтез, речь автора и голос читателя, факт и мнение – представляется новой ступенью в развитии концепции биографического повествования в эпоху постмодерна.

Книга «Лондон: Биография» может быть вписана в традицию исторического повествования, обогатившуюся на рубеже XX–XXI

веков своеобразными чертами под воздействием обновлённых представлений о сущности историко-документального жанра. По мнению Р. Кавени, Акройд – автор по преимуществу «типично лондонских романов», представитель специфического английского жанра, развивающегося вокруг образа мистического Лондона, города, «допускающего вечное изменение самого себя» [Kaveney 1994, 39]. Лондон уже в первых художественных и биографических произведениях Акройда занимает важное место: обозначением «лондонец» автор определяет героев своих биографических исследований; образ английской столицы разрабатывается в романах «Последнее завещание Оскара Уайльда» (1983) и «Хоксмур» (1985). Во втором из названных романов разворачивается образ «города-эха», в котором люди одного психического типа в разные эпохи жили в одних и тех же местах, посвящали себя тем же занятиям и мучились теми же вопросами.

Образ Лондона также связан с системой персонажей в произведениях Акройда; тем самым его творчество вплетается в общекультурную «традицию городской мифологии»: его Лондон аналогичен Петербургу Андрея Белого или Дублину Джеймса Джойса [Васютина 2004]. Говоря об особенностях образа города и «городского текста» в национальной культуре, В. Н. Топоров определяет их как элементы «сверхнасыщенной реальности» [Топоров 2003, 7], имея ввиду многообразие его смысловых черт. Город в равной степени «вымышлен и реален» [Pitchford 2002, 45]. Городской текст актуализирует в равной степени синхронический и панхронический (вечный) аспекты города. Город представляется идеальным хранилищем культурной и исторической памяти. В процессе постоянного изменения, преобразования, в соположении с настоящим, он рождает своё прошлое, ибо «память города схожа с хроникой, <...> постоянной памятью» [Нестерова 2000, 154], в которой сосуществуют прошлое и настоящее, и прошлое перерождается путём новых интерпретаций, игры с предыдущими текстами или цитации, вплоть до повтора, который в данном случае не «может быть заподозрен в плагиате, а, напротив, подчёркивается» [Топоров 2003, 25].

По мнению Ю. М. Лотмана, город – «генератор культуры, <...> собрание текстов, кодов, интерпретаций и мыслей» [см.: Нестерова 2000, 154]. Лондон в английской культуре является вместилищем текстов, одновременно соотносясь с разным эпохами и уровнями культуры. На протяжении столетий Лондон сопровождал героев английской литературы – не только как фон действия, но и как действующий субъект повествования, вступая в «диалогические отно-

шения с человеком» [Шубин 1987, 56]. Город в повествовании представляется как «полноправным персонажем, способным влиять на события», так и «сложным семиотическим механизмом» [Нестерова 2000, 154].

Во многих интервью и лекциях Акройд объясняет причины, определяющие выбор Лондона как объекта исследования. В-первых, именно этот город представляет собой идеальную метафору природы и времени и присутствия прошлого в человеческой жизни. Он опредмечивает предзаданную связь истории с современностью, личности с культурой, и это представляется важным для писателя, посвятившего себя воссозданию в лицах прошлого Англии основ её национальной культуры. Писателя интересуют прежде всего образы «визионеров» (visionary), тех, кто обладает даром по-новому видеть окружающий мир. Визионеры Акройда в той или иной мере принадлежат Лондону, будучи его обитателями [Askroyd 2001, 329]. Неудивительно поэтому, что, написав биографии великих лондонцев, писатель обращается к исследованию города, в котором протекала их жизнь.

В воображении Акройда Лондон представляется идеальным объектом исследования частной истории в связи с его «характером» – вечно молодого и беспрестанно меняющегося живого существа [Акройд 2009].

Обратимся к заглавию книги: вынесенное Акройдом на титульный лист название столицы крупного европейского государства с имперским прошлым заставляет нас ожидать некоего исторического исследования. Однако именно такового мы не получаем: исторические деятели, статистические данные упоминаются в тексте вскользь, а результаты археологических изысканий подаются в шутовском тоне; отсутствует широкий национально-исторический фон – Лондон как бы оторван от страны, чьей столицей является.

Вторая часть названия книги о городе – «Биография», – направляет читательское ожидание в сторону более частной, единичной истории. В отечественном литературоведении, например, за жанровой дефиницией закреплена, среди прочих, функция формирования читательского ожидания, «помогающего процессу эстетической коммуникации» [Чернец 1982, 13]. Однако и это определение не реализуется во всей полноте и строгости. В классическом понимании биография представляет собой «жизнеописание», то есть описание и анализ хронологически выстроенных событий жизни героя. В данном произведении Акройд придерживается в общих чертах хронологии изложения исторических событий, предваряя

повествование сводной хронологической таблицей. Кроме того, автор концентрирует внимание читателя отнюдь не на великих свершениях или достижениях, связанных с Лондоном, а на его повседневности, на его обыденной жизни.

Лондон на первых же страницах произведения предстаёт перед читателем в образе человека: «Представление о Лондоне как о человеческом теле и необычно, и поразительно. Его можно связать с символическими образами Града Господня – мистического тела, члены которого – люди, голова – Иисус Христос. Лондон облакали также в форму вольно раскинувшего руки юноши» [Акройд 2007, 21]. Предисловие, названное «Город как тело», обращает наше внимание на телесность Лондона, присущую ему «ненасытность и плотоядность»: «он охоч до людей, жратвы, товаров и питья» [Акройд 2007, 21]. Эта характеристика снижает традиционно высокий гуманистический образ столицы. Акройд развивает образ Лондона как живого существа. Город рождается, ему присущи рост и развитие. Автор предваряет рассказ о рождении своеобразным экскурсом в «генеалогию» города, описывает его «предков» и те условия среды, которые сформировали характер персонажа. В главе «Море!» Лондон предстает перед нами зародышем, купающимся в водах Атлантики.

Следующая глава, «Камни», также рисует картину рождения города, однако здесь Лондон становится больше похожим на «гомункула», созданного из глины и «костного вещества доисторических времён» [Акройд 2007, 29]. Таким образом, окончательно формируется двойственное представление о природе города – одушевлённого существа и человекоподобного конструкта. Если же вспомнить романы Акройда «Дэн Лино и голем из Лаймхауза» (*Dan Leno and the Limehouse Golem*, 1994) или «Дом доктора Ди» (*The House of Doctor Dee*, 1993), в которых поднимается проблема искусственного создания жизни по подобию акта Божественного творения, то характер города приобретает ещё более яркие черты: неизбежное соседство рождения и смерти, светлой радости и мистического ужаса равно значимы в характере Лондона.

Другая характеристика живого организма, которую Акройд применяет в отношении города, – способность к самостоятельному росту и развитию, за которыми человек может лишь наблюдать. Акройда интересует динамика развития *внешнего облика* и *духовного образа* Лондона. Проследивая историю становления города и идеи города, он активно привлекает цитаты из документальных и художественных произведений своих предшественников при создании исторического портрета столицы: путешественников и коренных

жителей, поэтов и писателей. Индивидуализированные оценки столицы в совокупности составляют подобие мозаичного портрета.

Многоликий Лондон то предстаёт в образе невинного ребенка [Акройд 2007, 105] или юноши [Акройд 2007, 135], то в образе больного старика и мертвеца [Акройд 2007, 171]. Это и город-сон [Акройд 2007, 38], и святое видение, и «призрак» [Акройд 2007, 151], морок, плод лихорадки и истерики [Акройд 2007, 346]. Определяя характер города, Акройд указывает на соединение в нём весёлости и первобытного ужаса и символом его называет театр, в котором объединились красота и страдание [Акройд 2007, 189].

Исследуя историю названия города, Акройд приводит различные варианты его этимологии, уделяя равное внимание строго научным и легендарным источникам. В связи с этой задачей писатель говорит об «удовольствии особого рода», которое доставляет ученому история, дающая почву «для бесчисленных догадок и размышлений» [Акройд 2007, 31], открывающая небывалый простор воображению как способу познания прошлого. Вопрос об имени ставит проблему языка как средства связи между поколениями и временами, как хранителя памяти. Проблема двойственности, однако же, не разрешается и здесь, поскольку тот же язык способен завести неумелого путешественника в «лабиринт знаков» [Акройд 2007, 216], в гибельную пустоту бессмысленности. Образ лабиринта языка, хранилища знаков, подобно классическому образу Библиотеки, представляет указание на включенность произведения в постмодернистскую парадигму.

Феномен истории города как биографии в творчестве английского прозаика возник под влиянием постмодернистской эстетики. Постмодернизм стирает границы между субъектом и объектом творчества, а потому предельно, казалось бы, объективная данность города приобретает черты незавершённости, субъективности, свойственные отдельной человеческой личности. Существует множество произведений, научных и художественных, посвящённых Лондону, – автор неоднократно ссылается на них в своей работе. Однако принципиальное отличие книги Акройда заключается в самой цели его создания, которую писатель объявляет нам в предисловии: «Я всего-навсего спотыкающийся лондонец и хочу провести других маршрутами, по которым ходил всю жизнь» [Акройд 2007, 40].

Исходя из этих и многих аналогичных суждений автора, становится очевидным, почему Акройд обратился к жанру биографии города: для него принципиально важно личное осмысление, «переживание» города как события собственной жизни. Именно благодаря

процессу переживания «исторический факт получает биографический смысл» [Винокур 2007, 37]; «биография» Лондона предстаёт перед нами и как биография непосредственно ощущающего его исследователя. Писатель обращается к истории города, вылепившего судьбу своих жителей, «детей Лондона», в том числе и его собственную. Книга о великой столице обладает всеми чертами «романа-саморефлексии» и даёт нам материал для анализа системы взглядов писателя в целом.

Представляется важным проанализировать также структуру романа «Лондон: Биография». Повествование состоит из 79 отдельных главок, объединённых в 32 тематических раздела, например, «Пламя и мор»: «20. Чума на вашу голову», «21. Красный город». Такое строение позволяет читать произведение с любого места, уподобляет его мозаике, вносит игровой элемент и усиливает роль читателя в создании произведения. Однако Акройд не отказывается от сильной позиции автора в процессе смыслообразования, он использует приём «смычки» между главками, который заключается в повторе значимых образов в конце текстового отрезка и в начале следующего за ним. Такие «смычки» встречаются, например, при переходах между разделами «Город в эпоху позднего Средневековья» и «Дальше и выше», «После пожара» и «Преступление и наказание». Этот приём фиксирует внимание читателя на важнейших, с точки зрения писателя, чертах характера героя.

Другой его функцией, на наш взгляд, является указание на важную черту мировоззрения автора. Акройд подчёркивает присущую городу целостность, единство и связь места и времени, сохраняющиеся несмотря на существование «огромного количества отдельных личных времён» [Акройд 2007, 140] и «собственных Лондонов у каждого лондонца» [Акройд 2007, 870]. «Цепное» построение повествования позволяет сделать вывод о значимости для авторского мировоззрения ценностной категории истории, как хранилища прошлого в его связи с настоящим. В таком качестве образ города представляется одним из наиболее значительных в общем контексте английской культуры на рубеже XX–XXI веков – в контексте поиска новых основ национальной идентичности.

Следующая книга Акройда «Альбион: истоки английского воображения», вышедшая в Лондоне в 2002 году, представляет собой сборник эссе, сконцентрированных вокруг идеи поиска основ или точек напряжения английской идентичности и культуры. Во вступлении к книге автор очерчивает несколькими штрихами образ героя своего исследования – Альбиона – и намечает характеристики

«английского воображения», которое сравнивается с течением реки или с фонтаном, «постоянно свежим и постоянно обновляющимся» [Ackroyd 2002, XIX]. Акройд обращается к истории именования «Альбион», но концентрирует внимание читателя не на историческом его значении (заметим, что «Альбион» – древнейшее название британских островов, введённое греческой историографией и географией около I в. до н. э.), а на поэтическом звучании. Для английского писателя в слове «Альбион» слышится отзвук легенды, «эхо имени» [Ackroyd 2002, XIX] гиганта, поселившегося здесь в доисторическую эпоху.

Далее следует рассуждение об определяющих общеанглийскую культуру понятиях «английскости» (Englishness) и «британскости» (Britishness), в которых, соответственно, отражены черты влияния древнейших англо-саксонской и кельтской традиций. На национальное самоопределение, по мнению писателя, в большей степени повлияли англо-саксы, заложившие его основы в английском языке, воплощающем образ «единства и идентичности» [Ackroyd 2002, XX], и литературе. Жизненная сила англо-саксонского искусства, плодотворно развивающегося на протяжении уже более тысячи лет, проистекает, как считает Акройд, из способности к «ассимиляции и впитыванию» инокультурных традиций, например, средиземноморского и других континентальных искусств. Во вступлении, таким образом, формируется понятие «английского воображения» как «апофеоза смешения стилей» [Ackroyd 2002, XXI].

Вводная глава указывает и на ещё одну тему данного исследования, а также творчества Акройда в целом – тему «императива места» [Ackroyd 2002, XXI], практически воплощающую авторскую «теорию места» (location theory). Ссылаясь на работу Форда Мэдокса Форда «Дух народа: анализ английской души» (The Spirit of the People: An Analysis of the English Mind, 1912), писатель замечает, что англичане, представители островной культуры, находятся под влиянием родной земли, накапливающей и ретранслирующей культурную память народа.

Основной текст книги Акройд подразделяет на 19 разделов, логически выстроенных в соответствии с хронологией истории Альбиона. Они обозначают центральные направления теоретических разысканий автора и содержат главы, развивающие отдельные элементы ведущей темы. Перед нами критическое жизнеописание, не только повествующее о событиях из истории героя, но и анализирующее различные (религиозные и научные) аспекты его мировоззрения и творчества.

Первый раздел книги – «Модели Вечности» (Patterns of Eternity) – представляет собой своеобразную предысторию и генеалогию Альбиона. Природные образы первых глав – «Дерево» и «Излучения» – символически раскрывают идею развития культуры: её укоренённость, «погружённость в землю» [Ackroyd 2002, 7] и способность традиции «излучать» себя в будущее. Культура, даже очень древняя, как замечает Акройд, не может «полностью умереть» [Ackroyd 2002, 9], она вечно живёт в языке и искусстве.

Следующая часть книги посвящена анализу различных аспектов староанглийской (Old English) культуры, особенностям её языка и литературы. Анализируя язык одного из известнейших памятников средневековой эпической поэзии (глава «Слушай!»), поэму «Бевульф», Акройд выделяет ряд характерных черт: отсутствие формального разделения между прозой и поэзией, между различными поэтическими жанрами и видами (например, духовная и светская поэзия), – в совокупности свидетельствующих об изначально присутствующей английской литературе тяге к размыванию границ жанров и родов.

В том же русле рассматривается английская историография, совмещающая описание исторических событий с поэтической образностью, как в «Англо-саксонских хрониках» (с конца IX вплоть до середины XII века) или в первом историческом рассказе, «Cunheard», о вражде двух князей, Кинехарда Ателинга и Киневулфа Уэссекского, который «можно рассматривать как песню» [Ackroyd 2002, 40].

Другая важная тема, разрабатываемая в том же разделе, – тема «власти земли» (territorial imperative) [Ackroyd 2002, 61]. Акройд называет Англию «страной сновидений» (глава 8, «A Land of Dreams»), которую «в течение нескольких веков характеризовали как “пророка видений” (seers of visions)» [Ackroyd 2002, 47]. Эти пророческие видения создаются не столько вмешательством высших сил, сколько влиянием самого места. Именно в связи с этой концепцией Акройд описывает верность читателей-англичан творчеству Томаса Гарди, с небывалой чуткостью уловившего настроение жителей Альбиона, для которых «власть земли имеет большее значение <...> чем небеса» [Ackroyd 2002, 64]. Английский пейзаж постоянно доминирует в сознании английских литераторов «от Джона Донна до Теннисона и Суинберна, Хаусмана и Кристины Россетти» [Ackroyd 2002, 62], он зримо присутствует как декорация и как особое настроение – это «оригинальный фон меланхолии» [Ackroyd 2002, 63] и источник «поэзии тумана» [Ackroyd 2002, 75]. Акройд повторяет мысль

о подобии ландшафта, в том числе, городского, человеческому существу, «человеческому телу» [Askroyd 2002, 71], подчинённому законам роста и изменения. Метафорика семантических рядов «роста и развития» и «строительства и конструирования» в равной степени адекватно отражает основные черты «английского воображения»: укоренённого в практике и естествоиспытательском опыте.

Писатель обращает внимание на то, что и первые памятники письменной английской речи имели, по преимуществу, практический характер – записи кодексов и правовых актов. Однако они в то же время служили для закрепления моделей быта и бытия англичан в мире. Дальнейшая эволюция языка в его высшем проявлении – литературе – подтверждает наблюдение над раннеанглийскими текстами. Так, перевод послания «Пасторское попечение» (Pastoral Care) папы Григория королём Альфредом, отражающий «взгляд на английскость и английскую историю в контексте духовной истории мира» [Askroyd 2002, 79], фиксирует отношение к письму как к способу постичь себя в качестве части нации, вписать себя в масштабную культурную традицию, в широкий контекст истории.

Третья часть «Альбиона» поясняет значение перехода от староанглийской к среднеанглийской культуре и определяет центральный образ литературы этого периода, образ короля Артура, как воплощение «идеи английского воображения» [Askroyd 2002, 118] – вечно возрождающегося, несмотря на все внешние изменения.

Английская поэзия рассматривается Акройдом во взаимодействии с породившими её особенностями местного ландшафта. Поэзия «была такой же неотъемлемой частью социальной жизни, как религиозные церемонии» [Askroyd 2002, 143], на что указывает и параллельное с предыдущей частью строение заглавия: The Poetry of England. Стихотворный текст или песня прежде всего выполняли прикладную функцию коммуникации; даже влияние континентальной литературы, куртуазной французской поэзии, не в силах было изменить ситуацию. Художником, выразившим как эстетическую установку на ассимиляцию чужой традиции, так и практическую установку литературы, по установившемуся мнению, был «отец английской поэзии» [Askroyd 2002, 149] Джеффри Чосер. Его «Кентерберийские рассказы» – собрание диалогов и разнообразных историй, написанных в разных стилях и на разные темы, – воплощает чисто английские характеры и английскую речь в заимствованной с материка форме.

Той же мысли подчинено исследование эпохи английского Ренессанса. Акройд здесь уточняет роль европейского континента для

островной Британии – роль учителя, образца. Однако, ссылаясь на слова прославленного архитектора Кристофера Рена, он говорит о преодолении оригинала силой художественной имитации: «английские художники достаточно хорошие изобретатели, но когда иностранный образец дан, они имитируют его так хорошо, что кажется, будто они изобрели оригинал» [Ackroyd 2002, 198]. Такое определение во всей полноте применимо к «наиболее английскому из произведений эпохи» [Ackroyd 2002, 215] – поэме «Королева фей» (1596) Эдмунда Спенсера, воссоздавшего английскую мифологию по образцу континентальной литературы.

Ещё одному внешне противоречивому союзу – истории и литературы, факта и вымысла – посвящается следующая часть книги, «Антикваризм и английская история» (*Antiquarism and English history*). Здесь рассматриваются общие теоретические вопросы английской историографии: влияние на неё эпоса [Ackroyd 2002, 241], присущий ей консерватизм, отражающий «почтение к прошлому» [Ackroyd 2002, 253]. Особняком стоит рассуждение о генетически предопределённом отличии Англии от, например, Германии и Франции в том, что касается взаимоотношений истории и поэзии в широком смысле слова. Акройд подчёркивает «сильное соответствие в английском языке» [Ackroyd 2002, 255] между историей как речевым жанром и исторической наукой, завершая главу выводом о том, что английская историография в большей степени – проявление литературы, чем точных исследований. Тех, кто постоянно и естественно существовал на границе двух миров, Акройд называет «лондонскими визионерами» (*Cockney visionaries*), наделёнными уникальной способностью «слышать музыку камней, улавливать духовное в локальном и конкретном, делать ощутимые вещи источником аллегорий» [Ackroyd 2002, 307].

В заключительных главах, «оглядываясь назад» (*Looking Backwards*), автор рассматривает одну из наиболее принципиальных для своего творчества проблем – проблему «имитации» и подражания в контексте творчества. Обращаясь к фигурам Оссиана и монаха Роули, которых сотворил гений Джорджа Макферсона и Томаса Чаттертона – первопроходцев «искусства имитации» [Ackroyd 2002, 421], Акройд утвердительно отвечает на вопрос «может ли гений выразиться в подделке?» [Ackroyd 2002, 427]. Созданное романтической традицией представление о поэте как одиноком творце, рождающем новую вселенную только силой индивидуального таланта, автор считает одной из грандиозных ошибок (*The Romantic Fallacy*). Писатель «обвиняет» романтиков в том, что культ индивидуальности

сти, которому они служили, «разрушил веру предыдущих эпох в единство и целостность опыта» [Askroyd 2002, 437], своего или чужого.

Единственным видом искусства, не подчинившимся общему распаду по вине романтиков, как считает Акройд, осталась музыка: в ней всё так же «старая мелодия перекликается с новой, а новая со старой» [Askroyd 2002, 440]. Нематериальная природа освобождает её от власти времени и временных перемен, перенося в сферу, где прошлое и будущее едины. Не случайно герою романа «Английская музыка» (1992) Тимоти Харкомбу дана способность без усилия путешествовать по различным историческим эпохам.

Воображение в эпилоге предстаёт в законченном образе «бесконечного заколдованного круга» [Askroyd 2002, 448], в котором прошлое и настоящее, своё и чужое сосуществуют в диалоге. Способность к безболезненной ассимиляции инородных традиций позволяла национальной культуре Англии плодотворно развиваться на протяжении тысячелетия. В ходе этой эволюции в «английской литературе, музыке и живописи неоднородность стала формой и типом искусства» [Askroyd 2002, 448]. Стремясь избежать возможных критических замечаний о том, что эти черты присущи любой национальной культуре, Акройд предлагает последний аргумент в пользу специфичности «английского воображения»: взаимодействие с иными культурами, обогащение его языка и художественности парадоксально тесно сплетены с «почтением к прошлому» и едва ли не обожанием родной природы [Askroyd 2002, 449]. Диктат места (*territorial imperative*) в сочетании с недоверием к способам познания мира, построенным на абстрактном мышлении, делает однозначно верным вывод автора о необходимости исследования прошлого и настоящего Англии на основе «индивидуального опыта» [Askroyd 2002, 449]. Такой вывод обосновывает ценность биографического творчества (в частности, акройдовского) для конструирования проекта будущего возрождения национальной английской культуры.

В целом в книге «Альбион: Происхождение английского воображения» Акройд подводит своеобразный итог своим исканиям в области теории и истории английской культуры, предъявляя читателю в дистиллированной форме эссе свои идеи, рассыпанные в романах и биографиях. Среди поднимаемых в произведении проблем – взаимоотношения различных исторически сложившихся традиций в поле культуры; значение инокультурных и иностилевых влияний для формирования национального искусства; взаимодей-

стве различных типов знания, научного и эстетического, в процессе складывания «национального воображения»; роль индивидуального таланта в становлении национальной культуры.

Зачастую расположение частей в книге кажется нелогичным. Например, Акройд прерывает рассказ о женской литературе изложением других тем, а к обсуждению вопроса английской религиозности обращается в трёх местах. С другой стороны, такое расположение соответствует установке на сложность биографического повествования, требующего внимания к различным сторонам жизни, на постепенную рисовку его судьбы, характера, претерпевающего изменения с течением времени: за рождением и средневековым детством идёт буйная юность Ренессанса, её сменяет сдержанно зрелая эпоха Реставрации, пора опыта и учёности, старость же «оглядывается назад» и подводит итоги.

Последовательная реализация метафоры жизни «английского воображения» в итоге подводит автора, а вслед за ним и читателя, к целостному восприятию этого феномена и уяснению его основных черт.

Рассмотренные книги могут быть объединены в *городскую серию* на основании нескольких положений.

Во-первых, на основании общности идеи: они полны рассуждений о «психогеографии» – влиянии конкретного места на культуру и на самый дух его обитателей. Эта идея чрезвычайно важна для творчества Акройда в целом, в ней автор, определённо, находит подкрепление теории «живой истории».

Во-вторых, на основании стилистического единства. Оно достигается тем, что писатель вновь и вновь пользуется приёмами пейзажной и бытовой зарисовки, представляя миниатюры и сценки из жизни городских жителей; также активно применяет автор приём цитации или отсылки к произведениям известных и забытых авторов прошлых эпох.

Ещё одним значимым целостнообразующим элементом, несомненно, является автореференциальность (повторы на смысловом и образном уровнях): к фигурам одних и тех же художников и писателей Акройд обращается во всех книгах серии; наиболее заметны в этом ряду фигуры Чаттертона, Блейка, Хогарта, Тернера, Диккенса, Теккерея и другие.

Наконец, обсуждаемые произведения, безусловно, поясняют и дополняют друг друга, развивая разные аспекты одной темы – темы поиска определяющих черт английской идентичности и механизмов развития национальной культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акройд 2007 – *Акройд П.* Лондон: Биография / Пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылёва. Москва, 2007.
- Акройд 2009 – *Акройд П.* Не верю в утрату доминирующего положения английской культуры. Интервью с В. Поляковским и К. Щербино // Частный корреспондент. 21 мая 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=6626> (дата обращения: 12.06.2018).
- Васютина 2004 – *Васютина Н. К.* Город будущего в романе Питера Акройда «Повесть о Платоне» // Известия Уральского университета. 2004. № 3. С. 122–128.
- Винокур 2007 – *Винокур Г. О.* Биография и культура. Русское сценическое произношение. Москва, 2007.
- Нестерова 2000 – *Нестерова Н. В.* Лондон и проблема памяти города («Английская музыка» Питера Акройда) // Великобритания в европейском культурном контексте. Нижний Новгород, 2000. С. 153–154.
- Степанова 2003 – *Степанова Т. М.* Жанр эссе в отечественном и зарубежном литературоведении 1960–1980-х гг. // Герменевтика литературных жанров. Ставрополь, 2007. С. 261–272.
- Топоров 2003 – *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. Санкт-Петербург, 2003.
- Чернец 1982 – *Чернец Л. В.* Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). Москва, 1982.
- Шубин 1987 – *Шубин Л. А.* Поиски смысла отдельного и общего существования. Москва, 1987.
- Эпштейн 1988 – *Эпштейн М. Н.* Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. Москва, 1988.
- Ackroyd 2001 – *Ackroyd P.* The Englishness of English Literature. *Ackroyd P. The Collection. Journalism, Reviews, Essays, Short stories, Lectures.* Ed. by T. Wright. London, 2001.
- Ackroyd 2002 – *Ackroyd P.* Albion: The Origins of English Imagination. London, 2002.
- Dictionary 1969 – Webster’s Seventh New Collegiate Dictionary. Springfield, Mass., 1969.
- Kaveney 1994 – *Kaveney R.* Sinclair, Ackroyd and the London Novel. *New Statesman and Society.* 1994. 39 (Sept. 9). P. 9.
- Pitchford 2002 – *Pitchford N.* Tactical readings. Feminist Postmodernism in the Novels of Kathy Acker and Angela Carter. Lewisburg, London, 2002.

Материал поступил в редакцию 13.06.2018